

ДЕМОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 314.17 (571.6)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24
EDN: [EBFBEG](#)

Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату

Юрий Алексеевич Авдеев¹, Валентина Леонидовна Ушакова²

^{1,2} Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия

¹ (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

² (ushakova@tigdvo.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-4916-3973>)

Аннотация

В статье подводятся итоги двухлетней дискуссии вокруг темы: как сделать привлекательным Дальний Восток, и остановить отток населения из региона. Проанализированы подходы и предложения в статьях на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России», в которых обсуждается преимущественно миграционная проблематика, дана критическая оценка некоторых положений в них. Проведён анализ демографической политики на Дальнем Востоке, направленной на сдерживание оттока населения к 2020 году, и наращиванию численности в 2025 году. Показано, что достижению плановых показателей Концепции мешает ставка на воспроизводство населения: стимулирование рождаемости, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни. Вскрыта главная причина: массовый отток населения в 90-е годы деформировал демографическую структуру, сократив существенно численность населения фертильных возрастов, а также детское население. Поэтому материальное стимулирование оценивается как малоэффективный способ обеспечить достижение поставленной цели. Результаты анализа основных демографических процессов на Дальнем Востоке, их региональной специфики, свидетельствуют, что преодолеть устойчивый тренд убыли населения вряд ли удастся до середины столетия. Приведены аргументы, доказывающие, что сложившаяся за предыдущие десятилетия экономическая специализация макрорегиона с преобладанием ресурсно-экспортных отраслей, является главной причиной, выталкивающей население, способствующей оттоку населения. Принципиально важным выводом статьи является необходимость обеспечения абсолютного роста численности населения, переход от установки «сбережения» к задаче «приумножения» народа. И Дальний Восток предлагается рассматривать в качестве пилотного проекта в решении этой национальной задачи.

Ключевые слова: Дальний Восток, демография, миграция, отток населения, демографическая политика, развитие, системный подход, целевое планирование

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Пространственное развитие разноранговых территориальных и аква-территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России с учётом географических и геополитических факторов и их соотношения на разных районных уровнях Северо-Восточной Азии, (№ 122020900189-0).

Для цитирования: Авдеев А.Ю., Ушакова В.Л. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24
EDN: [EBFBEG](#)

Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result

Yury A. Avdeev¹, Valentina L. Ushakova²

^{1,2} Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia

¹ (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

² (ushakova@tigdvo.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-4916-3973>)

Abstract

The article summarizes the results of a two-year discussion around the topic: how to make the Far East attractive, and stop the outflow of population from the region. The approaches and proposals are analyzed in the articles published on the pages of the journal "Standard of Living of the Population in the Regions of Russia", in which migration issues are discussed mainly, a critical assessment of some provisions in them is given. An analysis of the demographic policy in the Far East, aimed at curbing the outflow of the population by 2020, and increasing the number in 2025, was carried out. It is shown that the achievement of the planned indicators of the Concept is hindered by the rate on population reproduction: stimulation of the birth rate, reduction of mortality, increase in life expectancy. The main reason was revealed: the mass outflow of the population in the 90s deformed the demographic structure, significantly reducing the population of fertile ages, as well as the child population. Therefore, material incentives are assessed as an ineffective way to ensure the achievement of the goal. The results of the analysis of the main demographic processes in the Far East, their regional specifics, indicate that it is unlikely that it will be possible to overcome the steady trend of population decline until the middle of the century. Arguments are given proving that the economic specialization of the macro-region that has developed over the

previous decades with a predominance of resource-export industries is the main reason that pushes the population, contributing to the outflow of the population. A fundamentally important conclusion of the article is the need to ensure absolute population growth, the transition from the installation of "savings" to the task of "multiplying" the people. And it is proposed to consider the Far East as a pilot project in solving this national problem.

Keywords: Far East, demography, migration, population outflow, demographic policy, development, system approach, targeted planning

Acknowledgements: The work was executed within the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (theme "Spatial development of different territorial and aqua-territorial structures of economy and population settlement of Pacific Russia with consideration of geographical and geopolitical factors and their relations at different district levels in North-East Asia, (№ 122020900189-0).

For citation: Avdeev A.Yu., Ushakova V.L. Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24

Введение

Целью публикации «Полемических размышлений» [1] и **настоящей статьи**, которая подводит итоги научной дискуссии среди специалистов по поводу региональной демографической политики на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России», является активизация поиска решений по преодолению демографического кризиса как в регионе, так и в стране в целом. **Объектом исследования** является динамика численности населения Дальневосточного федерального округа на протяжении трёх последних десятилетий, и оценка эффективности принимаемых решений, оказывающих влияние на её характер. **В качестве предмета исследования** рассматриваются, с одной стороны, предложения коллег по изменению демографической и миграционной ситуации в регионе, с другой – официальная концепция, согласно которой планируется к 2025 году переломить многолетнюю тенденцию убыли населения и обеспечить прирост численности, а с третьей – предлагается авторский подход к преодолению демографического кризиса. **Гипотеза исследования:** деформация демографической структуры населения региона, как следствие интенсивного миграционного оттока, снижает эффективность усилий по преодолению тенденции убыли населения. Только активная миграционная политика способна обеспечить привлекательность данной территории прежде всего для живущего здесь населения, для тех, кто за эти годы отсюда уехал, но захочет сюда вернуться, а также для соотечественников, проживающих за рубежом.

С первого публичного выступления в качестве Президента В.В. Путин одной из наиболее злободневных тем обозначил демографию. С того времени проблем не уменьшилось, прогнозы становятся более мрачными, несмотря на все усилия по сдерживанию убыли, приросту численности, которая если и происходит, то преимущественно за счёт внешней миграции или присоединения территорий. Даже тот малозаметный успех в естественном воспроизводстве, который намечался, к настоящему времени «обнулится», убыль населения и в регионе, и в стране продолжается.

Что не так в новейшей истории страны, в чём отличие от периодов, скажем, с 1927 по 1941 гг., когда численность населения возросла на 17,4 млн человек, или с 1951 по 1970 гг., когда стало больше на 25,6 млн, а за следующие 20 лет прибавилось ещё 16,7 млн? Вряд ли это было результатом целенаправленной демографической политики, когда без надобности оказался даже единственный Демографический институт Академии наук, просуществовав неполных четыре года (до 1934 г.). Что сегодня мешает обеспечить стабильный прирост хотя бы десятой части того, что получалось раньше? Почему задача ограничена «сбережением народа», тогда как масштабам территории и потребностям экономики страны более соответствует задача его «приумножения»? Нужно ли продолжать демографическую политику начала нынешнего столетия, в основе которой преобладает монетарное стимулирование рождаемости, поддержки многодетных семей, или всё же в демографическом развитии необходимо искать более тонкие мотивационные инструменты? В этом предмет дискуссии профессионального сообщества на страницах журнала.

Не менее актуальным вопросом, который нуждается в глубоком осмыслении, всё более очевидные отрицательные результаты демографической политики на Дальнем Востоке, в разработке которой принимали участие и некоторые авторы журнала, значит какая-то доля ответственности за «достижения» лежит и на нас. Утверждённая Правительством Российской Федерации в 2017 году «Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2025 года»¹ (далее Концепция) – единственный федеральный документ, для которого разработана и утверждена на высшем уровне такая «политика», порождает крамольную мысль, что ещё одним документом пополнился ряд, в котором поставленные задачи остаются нерешёнными, по истечении срока тихо умирают, без вскрытия

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р «Об утверждении концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/112118/> (дата обращения: 09. 01. 2023).

причин, на месте появляются новые, и так «пока гром не грянет...». До финала три года, промежуточный финиш пройден в 2020 году, ни по одному показателю (численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни и т.д.) намеченный уровень достигнут не будет. Это публично признали даже разработчики, но в Минвостокразвития, в регионах, и в научной среде сохраняется спокойствие. Ежегодные демографические конференции предпочитают обсуждать «практические» вопросы, позитивные примеры, а процент убыли населения воспринимается как статистическая погрешность. Будем ждать окончания срока, потом признаем Концепцию ошибочной, или пора начинать обсуждать причины, почему документ не реализован, насколько адекватно оценивается демографическая ситуация, в чём изъяны методологии, что не так с постановкой задач, насколько эффективны применяемые инструменты, что следует менять в управленческих структурах?

Третий аспект полемики ведётся по поводу базовых вопросов, решение которых сможет остановить демографическую деградацию в регионе и в стране, какая экономика будет способствовать росту численности населения, можно ли полагаться на инициативу бизнеса в формировании такой экономики, или нужна государственная программа, целевое планирование, ответственность за результаты? Сохранятся ли в программе представление о Дальнем Востоке как дотационной территории, или курс «на восток» переориентирует экономику страны на сотрудничество с Азией, и Восток России станет плацдармом интеграционного взаимодействия с экономиками в этой части планеты? Важно определиться, встраиваемся в уже существующие альянсы, выступая привычно сырьевым придатком, или будем стимулировать такие виды деятельности, которые обеспечат стране лидерские позиции, вовлекая в неё инвестиционные, технологические, кадровые ресурсы потенциальных партнёров? У Дальнего Востока России есть реальный шанс повторить индустриальный рывок прошлого столетия, с разницей, что теперь это может стать импульсом экономического развития страны с ориентацией на динамично развивающиеся и дружественные экономики. Приоритеты на десятилетия вперёд, понятные каждому, станут более сильным аргументом жить здесь, притягательным для самореализации, и перспектив для будущих поколений, по сравнению с иллюзиями о достижении более высокого уровня жизни по сравнению с другими регионами страны. Тот круг вопросов, который может приблизить к ответу: как остановить отток населения и сделать регион привлекательным.

Обзор публикаций по теме в журнале «Уровень жизни населения в регионах России» за 2020–2022 гг.

Предложение состояло в том, чтобы обсудить один вопрос: как сделать регион привлекательным, и выйти на площадку Восточного экономического форума с предложениями. Статьи, опубликованные по поводу, с одной стороны, вышли за рамки предполагавшейся дискуссии, а с другой, – при всей важности обсуждаемых проблем, ограничились отдельными аспектами. Но благодаря коллегам удалось точно сформулировать вопросы, что позволит продолжить обмен идеями, выстраивая их системно, а ещё «достучаться» до тех, кто «делает» демографическую политику и в регионе, и в стране. Понятно, у каждого автора свой предмет изучения, результатами готов поделиться на страницах журнала, особенно, когда главный редактор приглашает «в последующих выпусках развернуть дискуссию». Но состоялась она в стиле привычных научных конференций: есть тема, обсуждаемые вопросы, приглашённые участники, предложения, резолюция. В другое время, возможно, этого было достаточно, но сегодня, необходим «мозговой штурм»: проблема, которая не решается несколько десятилетий, очередной документ на грани провала, ждать, что новый появится сам собой или не появится. Журнал инициировал обсуждение, специалисты внесли предложения, но пока это больше напоминает штабель кирпичей, из которых ещё предстоит построить дом. В год 150-летия В.К. Арсеньева невозможно пройти мимо его понимания проблемы: «Невозможно узнать ни одной научной дисциплины, которая не имела бы отношения к человеку: изучение климата, разрушение горных пород..., изучение растительного покрова, фауны моря и суши, изучение всех производительных сил страны имеет в виду человека, уже живущего в данной местности, или того, который придёт сюда жить уже в ближайшем будущем»².

Из всего многообразия предложенных для обсуждения тем, в центре внимания оказались вопросы миграции, как более важной составляющей роста численности населения Дальнего Востока. Оценивая сложившуюся демографическую ситуацию в регионе, приоритет отдан миграции, привлечению трудовых ресурсов извне, тогда как проблемы воспроизводства населения остались на втором плане. Для территории, потерявшей четверть населения, такой подход логичен с точки зрения результата к 2025 году, что не совпадает

² Население Владивостокского округа // Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного районного переселенческого управления. 1929 г. URL: http://az.lib.ru/a/arsenxew_w_k/text_1928_uslovia_nashego_buduschego.shtml?sclid=l82e10ta41984799374 (дата обращения: 06. 08. 2022).

с идеологией «Концепции», в которой ставка сделана на воспроизводство населения, а миграция только дополняет основные проблемы. Недооценка деформации демографической структуры населения, как результат интенсивного миграционного оттока, а также короткий временной промежуток планирования конечного результата объясняют в какой-то мере, почему цели Концепции не будут достигнуты.

Так, в статье С.С. Алхасова и С.В. Рязанцева [2] на основе современных методов опроса отражён портрет потенциального трудового мигранта, готового переехать на работу в приграничный регион России, где реализуются крупные проекты. Результаты исследования доказывают, что *такой миграционный приток не обеспечивает решение демографических проблем в регионе, и более того, является источником повышения социального напряжения и оттока местного населения*, а вот социальные программы, реализуемые на территории, не являются продуктом системного подхода. Трудовые мигранты нужны, за счёт них снижается острота дефицита кадров, реализуются инвестиционные проекты, но рассчитывать на них как на источник роста численности населения в регионе не приходится, утверждают авторы. Соглашаясь с этим в принципе, тем не менее, следует заметить, что примерно треть трудовых мигрантов бывших республик Средней Азии приезжает семьями, с детьми, многие стремятся получить российское гражданство. Как источник прироста численности населения – это немного, но пренебрегать им не стоит, процессы социализации, и прежде всего молодёжи, должны быть предметом заботы не только властных структур или диаспор, но и гражданского общества. «Снижение напряженности в отношениях между мигрантами и принимающим населением – одна из важнейших задач иммиграционной политики» [3, с. 127].

А.В. Русанов и О.С. Чудиновских [4] утверждают, что *международная миграция «остаётся единственным источником пополнения населения региона»*, с чем можно согласиться лишь отчасти. Скептически оценив демографическую политику в регионе, авторы не предлагают свой вариант решения, а ограничиваются прогнозом: «в ближайшем будущем вряд ли появятся эффективные механизмы для быстрого «разворота» миграционных потоков внутри России с запада на восток страны». Разумеется, сами по себе «механизмы», тем более «эффективные», появиться не могут, и с этим не поспоришь. В работе проанализированы проблемы статистического учёта миграции, данные которого несоразмерны для разных периодов, что затрудняет их анализ. Вместе с тем, представляется несколько надуманной дилемма:

что важнее привлекать новых людей в регион или удерживать живущих здесь. Бесспорно, что это два разных действия, но одной и той же задачи, вопрос не может стоять «или-или». Мотивация и у тех, и у других одинакова: *наличие или отсутствие перспективы*, какими бы словами люди это не объясняли. Разница только в том, что кто-то живёт, не видя для себя перспектив, надеется найти их в другом месте, на пути к мечте объективные или созданные препоны, удерживающие его здесь, а другой эту перспективу «рисует» себе сам, либо его «заманивают» ею. Вообще, из лексикона миграционной политики стоит исключить: «удержать», «закреплять» и т.п. Решение «быть или не быть» человек, семья принимают сами, иногда ошибочно, когда иллюзии побеждают реальность, но всегда добровольно. Сегодня всё шире эксплуатируется монетарный рычаг: «миллион» для учителей, врачей, «материнский капитал», «детские пособия», «бесплатный гектар», льготная ипотека. Но деньги обладают свойством заканчиваться быстрее, чем прорастают корни человека в этом месте. Значит должна быть более сильная мотивация, которая приведёт к желаемому результату.

В статье Е.Л. Мотрич [5] проанализированы региональные, межрегиональные перемещения и внешняя миграция на Дальнем Востоке за период 2018–2020 гг., что привело автора к весьма спорному заключению. С одной стороны, в активе многолетние исследования демографических и миграционных процессов в регионе, предложения по сдерживанию оттока, а с другой стороны, внутреннее ощущение непреодолимости тенденции убыли населения, привели к выводу, цитируя коллегу: *«необходимо готовиться к переходу к экономике, соответствующей более низкому уровню населённости макрорегиона»*. Согласиться с этим категорически невозможно: если сегодня не найдено решение задачи, не повод капитулировать перед проблемой. Возможно, где-то есть информация о высоком уровне роботизации вновь создаваемых рабочих мест, но проблема дефицита кадров с повестки не снята, о чём постоянно говорят работодатели. Если же судить по структуре региональной экономики, доля сырьевых отраслей не уменьшается, а она и является главной причиной оттока населения. Инвесторы, заходя на территорию, руководствуются федеральным законом о территориях опережающего развития: «допускается осуществление любой не запрещённой законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности». Льготы, предусмотренные законом, не отменяют природу бизнеса: он, как и раньше, ориентирован на минимум вложений и быстрый возврат затрат. «Хотели как лучше», надеялись, что льготы обеспечат инвес-

торам конкурентные преимущества на внешних рынках, но бизнес решил по-своему: инвестиции преимущественно пошли в добычу, первичную переработку, производственные цепочки не создаются, добавленная стоимость минимальная, отсюда «лишние» люди и отток из региона. Сохраняя такую специализацию, обеспечить рост численности населения удастся не скоро, но это не значит, что решения нет. Ведь что-то позволило увеличить в четыре раза население к 1990 году. Теперь же, с учётом противостояния с Западом, когда «Владеть Востоком» становится реально государственной политикой, объявить, что с поворотом нужно повременить, ибо наука не знает, как преодолеть малонаселённость территории, грош цена таким выводам. А решение в изменении хозяйственной специализации региона через поправки в ФЗ о ТОРах, СПВ заменив «любой предпринимательской деятельности» на «деятельность, соответствующую долгосрочным приоритетам социально-экономического развития региона», что откроет перспективу для живущего здесь населения, для тех, кто захочет сюда приехать, снизит долю экспортно-сырьевых отраслей, обеспечит переход к новой индустриализации.

Статья С.Н. Мищук [6] посвящена анализу институциональной структуры, обеспечивающей реализацию миграционной политики на Дальнем Востоке. Вывод автора заключается в *отсутствии единого унифицированного подхода к организации институциональной структуры управления миграционными процессами*. Бесспорно, эффективно управляя миграционными процессами, можно существенно повлиять на демографический потенциал региона, при условии, что точно сформулирована проблема, определена цель, выстроена иерархия решаемых задач, им соответствуют институты и специалисты, владеющие предметом и отвечающие за результат не должностью, а своим авторитетом и репутацией. Институциональная структура, описанная в статье, иллюстрируют верх чиновничье-бюрократической революции, победившей в современной России. Огромное количество агрегатов, каждый из которых крутится сам по себе, требуя солидной бюджетной поддержки³, при отсутствии сколько-нибудь значимого результата, имея в виду динамику численности населения. Перечислены все структуры, участвующие в управлении демографическими и миграционными процессами, проанализирована деятельность подразделений в субъектах федерации, на которые возложена обязанность заниматься этими проблемами, выведена типология институтов

³ Бюджет АНО «Агентство по развитию человеческого капитала» при Минвостокразвития на третий год его функционирования составлял порядка 650 млн рублей.

по их функциональному назначению. Остаётся только удивляться хладнокровию автора: разобрав такую управленческую машину, воздержаться от простого вопроса: а результат где? Достаточно сопоставить армию чиновников в структурах, обеспечивающих реализацию демографической политики на Дальнем Востоке, во что государству обходится их содержание, с ожидаемыми достижениями в демографии Дальнего Востока к 2025 году, чтобы понять масштабы той задачи, которую предстоит решить.

Итак, на вопрос: как остановить отток населения с Дальнего Востока, получено несколько ответов (суждений). За счёт трудовых мигрантов этого сделать не удастся, но международная миграция – это единственный источник роста численности населения, правда анализ затрудняется из-за несопоставимости статистических данных, поэтому вероятнее всего нужно готовить экономику региона к низкой заселённости, а для того, чтобы повысить эффективность управления миграционными процессами к уже существующим институциональным структурам нужно создать новый орган для координации деятельности существующих. Не умаляя заслуг уважаемых авторов, в активе которых значительно больше идей (в обзор вошли только опубликованные по поводу заданного вопроса), но понятно, что с таким набором рекомендаций пока выходить на органы, принимающие решения, рано. Требуется более глубокая и системная проработка проблемы.

Основные методологические положения. Демографическая политика Дальнего Востока до 2025 года

Демографические процессы в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), как и в стране, определяются одними и теми же факторами: на огромной и разнообразной территории малочисленное и убывающее население, с преимущественно сырьевой экономикой, малозаметными результатами борьбы с многолетней тенденцией сокращения численности. При таком развитии событий регион «закончится» раньше, чем можно того ожидать⁴. За эти годы он потерял население, сопоставимое по численности с Приморским краем начала 90-х годов, – самого крупного субъекта федерации ДФО. После 2010 г., когда отток заметно снизился, каждые два-три года округ теряет население равное Чукотскому автономному округу.

В 2015 г., надеясь вернуть былую численность, Минвостокразвития инициировал разработку

⁴ «Нас через 30–40 лет уже не будет»: демограф Крупнов о реальных темпах вымирания России // БИЗНЕСОНЛАЙН : [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/563913?ysclid=ldifc1i0bk687523831> (дата обращения: 30.01. 2023).

Концепции. Документ утверждён распоряжением Правительства в 2017 г. В следующем году утвердили 12 Национальных проектов⁵, большинство нацелено на «сбережение» народа, а на первый из них – проект «Демография», предусмотрено финансирование 3,4 трлн руб. Дальний Восток в этих проектах выделен отдельной строкой. Осенью того же года, заслушав доклады руководителей субъектов федерации ДФО, Президент счёл этого недостаточным, и поручил Минвостокразвития разработать Национальную программу развития Дальнего Востока с перспективой до 2035 года, которая после многочисленных доработок была утверждена Правительством РФ⁶. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2019–2020 гг. подготовил Национальный демографический доклад [7,3] в котором оценил реальную ситуацию на Дальнем Востоке.

Внимания к решению демографических проблем региона, казалось бы, достаточно: система институтов, федеральные законы, льготные режимы, государственное финансирование, крупные инвестиции, масштабные проекты, тысячи новых рабочих мест, Концепция, Национальная программа развития – ни в одном другом федеральном округе или субъекте федерации нет такого набора механизмов, но остановить отток населения, сделать его привлекательным не удаётся.

И это не региональная проблема. Многие субъекты федерации европейской части России тоже теряют в численности, что вызывает тревожность, но не воспринимается как катастрофа. С одной стороны, там перераспределяется население в пределах европейской части страны, с другой – недовоспроизводство населения компенсируется мигрантами с Дальнего Востока, а с третьей – плотность населения с соседними странами сопоставима с российской территорией. По стране в целом сокращение численности в 90-е не превышало 4%, на Дальнем Востоке – более 20%. Плотность населения европейской части страны от 192 чел./кв. км в Московской области до 40 человек по другим субъектам, что даже превышает показатель некоторых европейских стран, тогда как в самом плотно населённом Приморском крае 11,4 чел./кв. км, что в 43 раза меньше, чем в Республике Корея, в 28 раз меньше, чем в Японии, в 16 раз меньше, чем в КНДР и северо-восточных

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сетевой ресурс Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 09.01.2023).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

провинциях КНР. Какие ещё изменения должны произойти в регионе, чтобы это назвать демографической катастрофой?

Управленцы, в чьих руках будущее территории, ситуацию, не понимая её, воспринимают спокойно, на ежегодных демографических конференциях царит атмосфера умиротворения и обмена частными примерами. Разработчики Концепции сначала думали, что к 2025 г. смогут восстановить численность 1991 года – 8,05 млн человек. Спичрайтеры Президента, опустив «ноль», в доклад главы государства на ВЭФе в 2017 г. вообще «округлили» перспективу до 8,5 млн.

Разработка Концепции продолжалась три года, приглашали ведущих учёных и специалистов-демографов, представителей власти, результаты обсуждали в 2015, 2016 гг. – в Хабаровске, 2017 г. – в Благовещенске. А последующие конференции (2018 г. – Южно-Сахалинск, 2019 г. – Магадан, 2021 г. – Чита, 2022 г. – Якутск, Владивосток) имели преимущественно прикладной характер⁷, в них тон задавали представители региональных властей, демонстрируя конкретные достижения в своих субъектах. Такой подход был бы оправдан, если бы механизмы демографической политики, управляющие этими процессами, реально влияли на их течение, а запланированные в Концепции показатели численности населения, рождаемости росли, смертности – снижались, продолжительность предстоящей жизни возрастала, отток прекратился, а извне начался приток. Но за эти годы не удалось даже сохранить наметившуюся в промежутке между 2012 и 2016 годами позитивную динамику по отдельным территориям. За время до 2025 года обеспечить выполнение не очень напряжённого плана – прирост в 300 тыс. человек на все субъекты ДФО за 9 лет, вряд ли удастся: в 2021 г. автор Концепции честно признал, что поставленная цель достигнута не будет⁸. Такое заявле-

⁷ «На предыдущих конференциях мы, по сути, разрабатывали концепцию демографического развития, обсуждали подходы, методики к решению демографических проблем, рассматривали опыт различных регионов или других стран. В этом году мы, наконец, обсуждаем опыт именно наших дальневосточных регионов, результаты в демографической сфере, которых они достигли. Обсуждаются решения, которые дальневосточные регионы предлагают распространить на другие территории в рамках региональных планов социально-экономического развития». Источник:

Сергей Качаев: четвёртая демографическая конференция носит практический характер // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/sergey-kachaev-chetvertaya-demograficheskaya-konferentsiya-nosit-prakticheskiy-kharakter-14430/?view=desktop> (дата обращения: 11.11.2022).

⁸ Открывая VI международную конференцию «Демографическое развитие Дальнего Востока», её модератор Сергей Рыбальченко, генеральный директор Института научно-общественной экспертизы, признал безоговорок – цели Концепции демографической политики на Дальнем

ние должно стать поводом задуматься о причинах: «почему прилагаемые усилия не оказывают существенного влияния на демографические процессы?», «почему не удаётся переломить устойчивую тенденцию убыли населения?», «возможно, что-то не так в самом механизме влияния?», или «методология анализа процессов неверная?». Но чиновники заявляют: «Мы и дальше будем двигаться таким путём. Именно наш дальневосточный опыт, те результаты, которые достигнуты в конкретных регионах ДФО, более интересны»⁹. Несомненно, позитивные примеры счастливых многодетных семей нужно поддерживать не столько в пропагандистских целях, а ради того, чтобы уровень и качество жизни таких семей не снижался по мере появления каждого следующего ребёнка [8]. Но сколько таких семей, становятся ли они примером для других, насколько это отражается на динамике численности, приближает к цели Концепции? Чем ближе к её завершению, вероятность не достичь намеченных показателей возрастает, убыль населения при сложившемся подходе продолжится и после 2035 года (таблица 1).

Целевая установка Концепции: «обеспечить стабилизацию и увеличение численности народонаселения ... Дальневосточного федерального округа». Подобным образом сформулированная цель политики позволяет думать, что её авторам известно о демографических процессах в регионе, с какого момента они изменили свой знак с «плюса» на «минус», на протяжении какого количества лет сохраняется эта тенденция, и оценка демографической ситуации должна содержать результаты анализа демографических процессов за этот тридцатилетний период. Но в Концепции иной заход: с одной стороны, ситуация обуславливается принятыми за год-два до этого решениями и проектами: федеральными законами о ТОРах, СПВ и Дальневосточном гектаре, освоением Курильских островов, развитием Комсомольска-на-Амуре, первой очереди космодрома «Восточный», началом работы ССК «Звезда», даже пересозданными институтами развития, центры которых преимущественно располагаются почему-то в Москве.

С другой стороны, присутствуют исторические сведения о царской переселенческой политике, когда к 1914 г. население Дальнего Востока

Востоке не достигнуты. Источник: Вспоможение народосбережению // EastRussia : [сайт]. URL <https://www.eastrussia.ru/material/vspomozhenie-narodosberezheniyu/?ysclid=l6yti3w9j6284481137> (дата обращения: 11.11. 2022).

⁹ С. Качаев: четвертая демографическая конференция носит практический характер // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/sergey-kachaev-chetvertaya-demograficheskaya-konferentsiya-nosit-prakticheskii-kharakter-14430/?view=desktop> (дата обращения: 10. 09. 2022).

достигло численности в 2,2 млн чел., о советском периоде, когда население возросло до 8,06 млн человек, демонстрируя, что предыдущие полтора века были временем практически непрерывного и ускоренного роста численности населения территории нового хозяйственного освоения. Но это не стало поводом задуматься о причинах обвального сокращения численности после 1991 года. Регион, лидировавший по приросту населения на предыдущих этапах, за десять лет теряет более полтора миллионов жителей, что сопоставимо с населением восьми из одиннадцати столиц субъектов федерации Дальнего Востока (Благовещенск, Биробиджан, Чита, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Якутск, Южно-Сахалинск и Анадырь). За следующие десять лет регион теряет население, равное по численности ещё одной столицы (Улан-Удэ). Промежуток между ВПН 2010 и 2021 благодаря замедлившемуся оттоку и позитивной динамике воспроизводства населения убыль заметно уменьшилась, но даже в это время округ становится меньше более чем на 280 тыс. человек, что превышает число жителей города Комсомольска-на-Амуре.

Но в основу долгосрочного плана кладутся позитивные изменения без объяснения причин: ситуация «улучшилась», в округе «наблюдается естественный прирост»¹⁰. Но признавая несопоставимость предыдущих потерь с «приобретениями» последних лет, приходится констатировать, что население «продолжает сокращаться», миграционная убыль превышает естественный прирост, «снизился трудовой потенциал».

Беспрецедентные потери населения в документе объясняются крайне просто: «относительно низкое качество жизни, социальной сферы, транспортной и коммунальной инфраструктуры и уровня организации труда». Более точный диагноз поставлен Л.Л. Рыбаковским и Н.И. Кожевниковой: «Сложившаяся ситуация – это следствие того, что в государственной политике постсоветской России, в полной мере это относится к 90-м годам прошлого века, о таком приоритете как ускоренный рост населения Сибири и особенно Дальнего Востока было забыто начисто» [9, с. 20]. Но здесь тоже не всё сходится: приоритет государственной политики, обеспечивавший ускоренный рост численности населения региона, и о чём забыли в 90-е, вот уже третью пятилетку восстанавливается в политическом, законодательном, финансовом, организационном планах, но ни «ускоренного роста», ни даже простого удержания численности на прежнем уровне не получается. Логика рассуждений в Концепции строится на том, что внимание

¹⁰ За три года (2012–2015) прирост составил численность малого города в 31 тыс. чел.

Таблица 1

Население Дальнего Востока – факт и ожидания

Table 1

The Population of the Far East – Fact and Expectations

	Численность населения (тыс. чел.)		Суммарный коэффициент рождаемости		Ожидаемая продолжи- тельность жизни при рождении	
	2017 г.	2025 г.	2017 г.	2025 г.	2017 г.	2025 г.
Дальний Восток	8 223/8 247	7 956/8 594	1,725/1,916	1,539/2,073	70,09/68,4	73,18/76
север	1 964/1 960	1 944/2 050				
Республика Саха (Якутия)	964/963	980/1 022	1,927/2,19	1,661/2,35	71,68/70,8	75,43/77
Чукотский автономный округ	50/49	49/55	2,079/2,011	1,540/2,13	66,1/63,5	69,97/75
Магаданская область	144/146	132/150	1,604/1,65	1,357/1,9	69,37/69,5	72,76/75
Камчатский край	316/315	303/323	1,785/1,89	1,534/1,99	70,06/69,6	73,61/76
Сахалинская область	490/487	480/500	2,029/2,02	1,719 /2,25	70,19/69,2	69,73/76,5
юг	4 201/4 224	4 014/4 449				
Приморский край	1 913/1 923	1 829/2 010	1,597/1,76	1,399/1,97	70,36/69,6	73,60/76
Хабаровский край	1 328/1 335	1 276/1 464	1,641/1,8	1,477/2,05	69,74/69,3	72,87/76,3
Амурская область	798/802	762/805	1,710/1,84	1,427 /2,0	69,06/68,5	71,91/76
Еврейская автономная область	162/164	147/170	1,812/1,987	1,577/2,02	68,83/69,2	67,50/75
юго-запад	2 058/2 063	1 998/2 095				
Республика Бурятия	985/984	980/1 023	2,056/2,056	1,714/2,238	70,69/70,69	73,52/76,65
Забайкальский край	1 073/1 079	1 018/1 072	1,873/1,873	1,595/2,025	69,64/69,64	68,23/75,11

Примечание: первая цифра в столбце – численность населения на конец года, вторая – планируемые показатели из Концепции. Столбцы 2025 г. первая цифра – из сборника Росстата «Предположительная численность населения Российской Федерации 2035 года (средний вариант)»

Источник: составлено авторами на основе данных Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 года и данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8+%D0%B4%D0%BE+2035+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 09. 01. 2023).

со стороны федерального уровня к региону есть, он провозглашён приоритетом, значит остаётся обеспечить более высокий уровень и качество жизни, организации труда, и всё изменится, сюда поедут люди, молодёжь, показатели рождаемости, продолжительности жизни пойдут вверх, динамика численности будет положительной. Собственно, в этом центральная идея сформулированной демографической политики. Только этого недостаточно, чтобы объяснить причины, приведших к утрате каждого пятого своего жителя малочисленного населения на востоке страны. Результаты такого анализа в Концепции не приводятся.

Нет этого и в новой (2019 г.) редакции Концепции¹¹, по-видимому, ещё сохранялась надежда,

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2019 года N 3146-р «Об изменениях, которые вносятся в Концепцию демографической политики Дальне-

что ситуация «улучшится». Формально это случилось с включением двух субъектов федерации из Сибирского федерального округа (Республики Бурятия и Забайкальского края), которые перешли в состав ДФО: численность округа к концу 2019 г. составила 8 169,3 тыс. человек. Но изменились и базовые показатели: в новых границах она составляла 10 440,4 тыс. человек, то есть общая убыль населения возросла до 2 271,2 тыс. человек. Процесс, похоже, неостановим, поскольку в 2020 г. численность уменьшилась до 8 169,3 тыс. (-19,8 тыс.), а на начало 2022 г. – до 8 091,2 тыс. (-61,5 тыс.). Надеяться, что за оставшиеся три года численность населения этой территории прирастёт на 300 тыс. человек, можно только полагаясь на чудо.

го Востока на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/125374/> (дата обращения: 09. 01. 2023).

Отсутствие системного подхода к анализу ситуации в регионе не позволило в утверждённой Правительством РФ версии Концепции демографической политики рационально объяснить недостижимость намеченной цели. Дальний Восток, в силу своей обширности, различается внешними условиями проживания, что сказывается на демографических процессах, на разных территориях. Для коренного населения природная среда остаётся (пока ещё) естественной составляющей их жизни, а для пришлого (во втором, и даже третьем поколении) – традиции прошлого образа жизни не всегда соответствуют внешнему окружению, что отражается на организации труда и быта, производительности, здоровье, и сфере воспроизводства. В Концепции отмечаются различия по численности и демографической ситуации в субъектах, но они ещё и разные по занимаемой территории, а значит по плотности и характеру расселения. Упомянуты «представители 20 этносов коренных малочисленных народов», большинство которого живёт в сельской местности, показана динамика их численности, правда, почему-то только между двумя переписями, из чего сделан вывод, что население сократилось. Если же рассматривать эти процессы на тридцатилетнем отрезке (с 1989 г. по 2019 г.), для коренных жителей Чукотки на фоне убыли двух третей «пришлого» населения, численность коренного населения даже выросла на 3% [10]. Совокупность этих различий должны были послужить основанием для типологии регионов по географическим, историческим, характеру расселения, другим характерным признакам, влияющим на демографические процессы. Совершенно очевидно, например, для севера и юга показатели рождаемости и смертности, продолжительности жизни, интенсивности миграционных процессов будут разными, что в свою очередь обусловлено спецификой производства, организацией быта и т. д. Это важно учитывать в рекомендациях региональным и местным органам власти, в нормативных и законодательных актах федерального уровня, что составляет содержание демографической политики. А поскольку в Концепции этого нет, то и рекомендации выглядят в виде абстрактных требований принятия «на федеральном и региональном уровнях дополнительных мер по улучшению демографической ситуации». Какие дополнительные, для каких субъектов они более «дополнительные», в чём конкретно заключаются эти меры, документ не отвечает.

Отличительная черта Концепции – в ней нет точно обозначенного временного периода анализа демографических процессов. Известно, что для их изучения используются демографические пирамиды, которые позволяют увидеть картину

по возрастным группам, сравнивая их в промежутках, скажем, между переписями населения, можно проследить за динамикой как на два-три поколения в ретроспективе, так и на перспективу. К 2015 году, когда начиналась разработка Концепции, прошло ровно 25 лет – в фертильный возраст вступило новое поколение – с момента коренной смены направления демографических процессов на Дальнем Востоке, но ситуация анализируется то между 2007 и 2015 годами, то 2007–2014 гг., то изменениями по сравнению с предыдущим годом, то между переписями 2002 и 2010 гг., демонстрируя отсутствие системного подхода, непонимание логики процесса, что не позволило адекватно оценить ситуацию, выстроить перспективу. Ровно так же понимали представители региональных властей демографическую ситуацию: в лучшем случае анализировалась динамика показателей за трёхлетний период. Перспектива до 2025 г. на старте разработки Концепции, видение на две пятилетки вперёд, при том «бухгалтерском» подходе, выглядит вроде как амбициозная задача, когда не тот масштаб шкалы, и пользуешься ненадлежащим инструментом. Даже если бы такая рамка определялась техническим заданием к Концепции, профессионал мог доказать, что анализ демографических процессов предыдущей четверти века открывает перспективу по меньшей мере до 2040 года, причём гораздо точнее того, что представлено в утверждённом документе на ближайшие десять лет.

Формулируя цель демографической политики, авторы Концепции предусматривали за первые пять лет стабилизировать численность населения на уровне 6,2 млн человек, и за следующую пятилетку увеличить её до 6,5 млн.¹² Почему 6,2 млн понятно, такой была численность населения Дальнего Востока в тот момент, и этот уровень хотелось «удержать». Но как объяснить итоговые 6,5 млн, не поддаётся разумному объяснению. Что такое плюс 300 тыс. для демографического потенциала региона? Авторы хотели доказать, что такая демографическая политика позволит преодолеть тенденцию 30 лет и дальше наращивать численность? Или это связано с решением экономических задач, новыми рабочими местами? В паспорте Федеральной целевой программы начала 90-х¹³ намечалось создать 426,81 тыс. рабочих мест, а количество переселенцев должно было составить 853,75 тыс. человек, что не похоже на нынешние цифры. В Национальной программе развития Дальнего Восто-

¹² Без Республики Бурятия и Забайкальского края.

¹³ Указ Президента РФ от 22 сентября 1992 г. № 1118 «О мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья» // Официальный сетевой ресурс Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2062> (дата обращения: 09. 01. 2023).

ка утверждается, что за 2014–2019 гг. уже создано 186 тыс. новых рабочих мест, и, возможно, под них нужно такое количество людей. А в Указе Президента РФ от 26 июня 2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» намечалось прекратить миграционный отток только в 2035 году. В документах высшего порядка тоже случаются противоречия, из чего не следует, что их нужно множить или повторять. Подготовка Концепции велась с участием учёных и специалистов в области демографии, правда, их мнение, подходы к решению проблем, предложения остались мало востребованными. Возможно, когда станет окончательно ясно, что цель достигнута не будет, и потребуются разработка нового документа, на первом шаге необходимо проанализировать причины, по которым не удалось достичь желаемого, определиться с инструментами и методами, соответствующими специфике демографических процессов.

Против перечисленных в Концепции принципов демографической политики региона возразить трудно, ровно, как и признать их реализуемость на конкретных территориях. А направления политики, последовательность их реализации, а значит решаемые задачи, являются центральным вопросом, от которого зависит куда, прежде всего, будут направлены финансовые потоки и конечный результат. Выбор невелик: либо активизация воспроизводства населения (повышение рождаемости и снижение смертности), либо «удержание» на территории населения и привлечение мигрантов извне. В Концепции и в Планах реализации, распределение следующее: стимулирование рождаемости обеспечивается 21 пунктом мероприятий, 18 пунктов обеспечивают снижение смертности, и только 17 пунктов направлены на сокращение миграционного оттока, привлечение мигрантов, содействие добровольному переселению соотечественников и закрепление молодёжи. По каждому пункту, очевидно, предусматривается финансирование, и не факт, что ресурсы распределяются равномерно между ними, ровно, как и трудно доказать, какой из пунктов важнее. Но есть вопросы тактики и стратегии, краткосрочные задачи и долгосрочные. Десять лет, срок действия Концепции, вряд ли можно назвать стратегическим документом, но в нём предпочтение явно отдано решению долгосрочных проблем, о последствиях чего можно будет судить не раньше, чем 20–25 лет спустя, тогда как решение тактической задачи, рассматривая её как приоритет, «работала» бы на результат с момента её утверждения. Собственно, этим исчерпывается суть той демографической политики, которая осуществляется на Дальнем Востоке. Дальше предстоит понять, почему не достигнуты

запланированные результаты первого этапа, который уже пройден, и вряд ли станут реальностью к 2025 году, сроку завершения действия документа.

Результаты исследования. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке за последние 30 лет

Территория Дальневосточного федерального округа – 6 952,6 тыс. км, или 40,6% территории России, на которой на 1 января 2020 г. проживало 8 169,3 тыс. человек, или 5,6% россиян¹⁴.

В его составе на **севере**: Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край; на **юге**: Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область; на **юго-западе** (с включением в состав ДФО¹⁵): Республика Бурятия и Забайкальский край. В Минвостокразвития предложили разделить территорию на четыре «провинции», обозначив отдельно островную: Сахалин и Камчатку¹⁶. Такое разграничение территории необходимо для понимания особенностей демографических процессов в различных природно-климатических условиях, освоённости и хозяйственной специализации, уровня развития транспортной инфраструктуры и специфики расселения. Если в среднем по округу плотность населения составляет 1,2 чел./кв. км, что является самым низким показателем среди федеральных округов, и значительно ниже среднероссийского уровня (8,6 чел./кв. км), то по отдельным территориям показатель плотности существенно различается. Так, в Приморском крае она выше среднероссийского (11,4 чел./кв. км), в Республике Бурятия – 2,8 чел./кв. км, Амурской области – 2,2 чел./кв. км, в Республике Саха (Якутия) и в Магаданской области она не превышает 0,3 чел./кв. км, а в Чукотском автономном округе – 0,1 чел./кв. км. Особенность территории Хабаровского края заключается в том, что на половине его территории – в трёх северных районах (Аяно-Майском, Охотском и Тугуро-Чумиканском) – проживает всего около 10 тыс. человек, что составляет менее 1% общей численности края. Основная же часть населения

¹⁴ Осознать масштабы территории Дальнего Востока не просто: достаточно сказать, что 43 страны Европы занимают на 2 млн кв. км меньше, тогда как населения здесь живёт меньше, чем в одной Швейцарии.

¹⁵ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» в состав Дальневосточного федерального округа вошли Республика Бурятия и Забайкальский край. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43719> (дата обращения: 09. 01. 2023).

¹⁶ Дальний Восток поделили на экономические провинции // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/07/15/reg-dfo/dalnij-vostok-podelili-na-ekonomicheskie-provincii.html> (дата обращения: 20. 08. 2022).

сконцентрирована южнее (более 60 % в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре), что позволяет рассматривать демографические процессы в данном субъекте федерации, относящиеся к южной географической зоне.

Изменения в структуре населения Дальнего Востока за последние тридцать лет стали следствием сокращения численности населения на 2 271,2 тыс. человек, или на 21,8 %. Количественные изменения на разных временных интервалах оценивались многими исследователями, на эту тему немало публикаций [3-7, 9]. Но важно было оценить изменения демографической структуры на протяжении жизни поколения, когда произошло резкое сокращение численности в результате массового оттока: какие изменения наблюдались в группе фертильных возрастов (15–49 лет), как это повлияло на численность детского населения (в возрасте до 14 лет), каков удельный вес населения старших возрастов, как всё это отразилось на основных демографических показателях. Только при таком подходе можно понять с учётом «вклада» в эти изменения естественного воспроизводства и миграционных процессов, с целью определения приоритетов и последовательности действий в демографической политике, которая не только обеспечивает преодоление тенденции убыли населения, но и выведет на устойчивый рост демографического потенциала территории.

Не только практические работники, нередко исследователи демографических процессов грешат «бухгалтерским» подходом к оценке динамики этих процессов, анализируя изменения на коротких (трёх-, пятилетних) отрезках времени. То есть, базовой методологической установкой демографических исследований является анализ динамики жизни сменяющих друг друга поколений, что объясняет изменения в процессах воспроизводства, и позволяет предвидеть ситуацию на два-три поколения вперёд.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. на Дальнем Востоке проживало 10 440,4 тыс. человек (7,0 % населения РФ), в 2002 г. – 8 829,4 тыс. (6,1 %), в 2010 г. – 8 372,3 тыс. (5,9 %), а в 2019 г. – только 8 169,2 тыс. человек (5,6 %). Наиболее интенсивное сокращение населения Дальнего Востока произошло в промежутке между 1989 и 2002 годами, когда регион потерял 1 611 тыс. человек, более 15 % своего населения. За это время численность городского населения сократилась на 1 182,4 тыс. чел. (15,6 %). Сельское население также уменьшилось, но меньше, чем городское (на 428,6 тыс. чел.). Северные субъекты федерации Дальнего Востока потеряли 740,4 тыс. человек или 45,9 % своего населения, в то время как южные – 516,5 тыс., или 32,1 %. Самые значительные сокращения про-

изошли на севере: Чукотский автономный округ – 69,3 %, Магаданская область – 64,2 %, меньше в Камчатском крае – 33,7 %, Сахалинской области – 31,2 %, Забайкальском крае – 27,0 %.

По доле утрат в численности населения каждой из этих территорий, самые большие потери понёс север, где они составили почти треть населения (30,7 %), заметно меньше они были на юге (18,7 %) и юго-западе (17,9 %). В результате удельный вес населения северных территорий сократился с 27,1 % в 1989 г. до – 24 % в 2019 г., что немного увеличило долю населения юга (с 49,0 % до 51,0 %), и юго-запада – с 23,9 % до 25,0 %.

Потери мужского населения региона оказались существенно большими: 1 282,9 тыс. чел., или 56,5 %, численность женщин сократилась на 988,3 тыс. чел. Значительная часть потерь пришлась на городское население – 71,7 %, тогда как численность населения сельской местности сократилась лишь на 28,3 %. Потери мужчин в городском населении в 1,4 раз больше, чем женщин, а в сельской местности потери мужского населения превышали женское только в 1,1 раза. На северные города приходятся самые большие потери – более 79 % своего населения, да и на юге они были значительными: 71,9 %.

В Приморском и Хабаровском краях, Республиках Саха (Якутия) и Бурятия сокращение было не столь значительным относительно своей численности, как на севере, но по абсолютной численности весьма существенным для Дальнего Востока. В период между переписями 2002–2010 гг. население сократилось на 457,1 тыс. человек, или на 5,2 %, при этом число горожан сократилось больше, чем селян (-6,3 % против -2,3 %). Единственной территорией, где в это время зафиксирован небольшой прирост населения была Республика Саха (Якутия). На севере Дальнего Востока, а также в Приморском крае и Республике Бурятия отмечается прирост сельского населения.

Интенсивный отток населения с Дальнего Востока за 13 лет деформировал демографическую структуру населения, что привело к сокращению численности населения в фертильных возрастах. Сложившееся демографическое поведение с установкой на одно, двухдетную семью не сможет привести к ожидаемому увеличению численности населения в регионе, а эффективность монетарных методов стимулирования рождаемости весьма сомнительна. Для того, чтобы изменить демографическую ситуацию в регионе потребуются пересмотреть региональные приоритеты демографической политики. При сложившейся демографической структуре населения вряд ли можно ожидать позитивных изменений в следующих двух-трёх поколениях, и поэтому в качест-

ве приоритета, по меньшей мере, на ближайшие 10–15 лет должна стать активная миграционная политика, с ориентацией на значительный приток мигрантов, преимущественно – соотечественников. Ответа требует не менее важный вопрос о востребованности дополнительного населения на данной территории. При сложившейся экономической специализации Дальнего Востока население оказывается «лишним». Только при смене экономической политики и выбора курса на новую индустриализацию такая смена приоритетов будет оправданной, и это может стать основным стимулом, как для прекращения оттока местного населения, так и привлечения сюда людей из других регионов и из-за рубежа. Последовательность шагов по преодолению тенденций последних десятилетий состоит в том, чтобы исключить отток местного населения, сформировать поток возвратной миграции из тех, кто отсюда уехал раньше, что будет весомым аргументом для желающих приехать сюда извне.

В 1989 г. на 1000 женщин приходилось 1064 мужчины, в результате более активного выбытия мужского населения в 2002 г. эта разница сократилась до 1004, а некоторый спад интенсивности выбытий к 2010 г. зафиксировал диспропорцию в 1006, а в 2019 г., увеличив её до уровня в 1032. Можно подумать, что оживление региональной экономики обеспечило приток мужского населения. Но ему противоречит динамика численности как мужского, так и женского населения в данных возрастных группах: численность мужчин за 30 лет сократилась на 21,9%, женщин – на 19,5%. Из этого следует: дальнейшее сокращение базы воспроизводства населения ставит под сомнение правильность выбора в качестве приоритета стимулирование рождаемости, и ставку на активизацию процесса воспроизводства населения. Логичнее было бы за счёт миграционного притока соотечественников оказать влияние на демографическую структуру населения, а на следующем шаге предлагать меры по стимулированию рождаемости. Это вопрос, который был предметом дискуссии в процессе подготовки Концепции. В утверждённом документе основная ставка сделана на воспроизводство населения. Эта позиция сохраняется на уровне принятия решений и до настоящего времени¹⁷.

В реальности картина по отдельным территориям для этих возрастных групп выглядит так. Численность мужского населения севера сократи-

¹⁷ К сожалению, нет доступа ко всем выступлениям участников двух стратегических сессий с участием Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина на тему «Как обеспечить рост населения на Дальнем Востоке» в октябре 2021 и в январе 2022 года, но установка на воспроизводство из вступительных слов главы правительства на этих мероприятиях просматривается достаточно точно.

лась на 42%, женского – на 39,6%; на юге сокращение мужского населения составило 27,7%, женщин – 26,9%; юго-запад потерял 21,9% мужчин, и 19,5% женщин. Можно ли считать, что меры по стимулированию рождаемости последних лет смогут когда-то компенсировать предыдущие потери. Уверенно можно утверждать лишь то, что некоторый позитивный результат есть. Так, если в 1989 г. численность населения Дальнего Востока в возрасте от 0 до 14 лет составляла 2 860,2 тыс. человек, к 2002 г. и далее к 2010 г. сократилась до 1 639 тыс. и 1 433,9 тыс., то в 2019 г. был зафиксирован небольшой рост, и численность возросла до 1 604,4 тыс. человек. Это ещё даже не уровень 2002 года, но уже и не падение. Является ли это признаком того, что преодолён тренд на сокращение численности населения в регионе, и дальше можно рассчитывать на наращивание демографического потенциала? На это была надежда, когда небольшой всплеск рождаемости дала антиалкогольная кампания 80-х, что породило иллюзию, будто тенденция сокращения численности сломлена, но оказалось, что это всё же больше результат недостаточно глубокого анализа демографических процессов.

В 1989 г. численность населения в возрасте 15–49 лет была 5,7 млн человек, а в 2019 г. осталось 4 млн. В семьях детей больше не становится, а потеря такого количества активных возрастов очевидна и, сколько не заваливай мамочек деньгами, их явно меньше поколения родителей. Не будет позитивных изменений в следующем поколении, когда нынешние дети войдут в фертильный возраст, их стало меньше на миллион с лишним. Это объективно, с этим нужно считаться, формируя демографическую политику, даже когда речь идёт о строительстве новых детских садов, школ, новых вузов.

Как изменится ситуация через 30 лет? Допускается самое невероятное – все родившиеся после 2004 года (их насчитывается 1,6 млн человек), доживут до 2035 года, даже в этом случае их численность всё равно будет меньше, нынешних 30–44 летних, которых в 2019 г. было 2 млн человек. Вряд ли демографические установки в эти годы настолько изменятся, чтобы недостающее число матерей в новом поколении сможет родить хотя бы столько же детей, сколько было у их родителей. При этом важно, что из общего прироста численности в 2019 г. по сравнению с 2010 годом почти 92% пришлось на городское население, где установка на одно-двухдетную семью является скорее правилом, чем исключением.

Таким образом, задача наращивания демографического потенциала ДФО, претерпевшего за 30 лет структурные изменения, не в теории, ни тем более на практике не имеет решения при подходе,

лежащем в основе Концепции. Запланированные достижения являются, мягко говоря, фантазиями авторов, закреплённые правительственным решением. «Нарисованные» цифры, разумеется, можно оправдать ошибками в расчётах, действием внешних обстоятельств и т.п., но как объяснить невыполнение запланированных мероприятий, таких как «разработать региональные программы опережающего демографического развития», «разработать модельную... программу демографического развития субъекта» или «создание фонда «Будущие поколения Дальнего Востока», и много других, которые предполагалось осуществить на первом этапе, то есть до 2020 года?

Выводы. Извечный вопрос: что делать?

Можно ли представить себе строительство даже не очень сложного сооружения без чертежей, не понимая, из какого материала он будет возводиться, на каком фундаменте, кто будет в нём жить или работать. Дома ещё нет, но план на все стадии его возведения должен быть. Аналогия, понятно, условная, «демографическое здание» спроектировать намного сложнее, особенно, если речь идёт о России, с её несоразмерностью территории и населения. Со всех сторон нам предлагают «поделиться», «поделить», «отдать». Во все времена находились пассионарии, открывали новые земли, присоединяли их к России, а кому-то не хватало ума и воли сохранить, начать осваивать: ушла Калифорния, продали Аляску, уступили часть океана, «распустили» Союз, на очереди что, Дальний Восток? Президент Российской Федерации В. Путин утверждает, что «государство – это люди», а если их всё меньше и меньше, что может ждать такое государство? Вопрос национальной безопасности в этой связи особенно актуален [11]. Не случайно Д.И. Менделеев, П. А. Столыпин видели будущую Россию с населением более миллиарда жителей. Именно поэтому, вопрос всех вопросов должен стоять радикально: *обеспечить абсолютный рост численности населения России.* «Сбережения» недостаточно, *Национальной задачей XXI века должно стать приумножение численности населения страны, и всё должно быть подчинено решению именно этой задачи.*

Но имеет ли решение задача в социально-экономических условиях, в которых страна жила три десятилетия, отказавшись от социальных завоеваний, пассивно способствуя операции по забиванию «гвоздя в крышку гроба коммунизма» и пристраиваясь в арьергард капитализму. В сухом остатке потеря значительной территории и более 13 млн человек. Усилия по преодолению убыли населения результата не дают, «демографическая политика» на Дальнем Востоке не способна оста-

новить отток населения, обеспечить прирост на микроскопические 0,4 %.

О том, что демографическое будущее страны наступит в таких условиях не скоро, убедительно показано в «Национальном демографическом докладе»: «итоги демографического развития страны не слишком оптимистичны. В I полугодии 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. в России отмечалось снижение числа родившихся (в 75 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 45 субъектах). В целом по стране в I полугодии 2020 г. число умерших превысило число родившихся в 1,4 раза (в I полугодии 2019 г. – в 1,3 раза), в 40 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5–2,5 раза». Глубокий анализ демографических процессов по стране и субъектам федерации, проделанный коллективом авторов доклада, не «покушаясь» на существующую систему, доказывает, что в перспективе до 2050 года обеспечить расширенное воспроизводство и преодолеть убыли населения не получится. «Одним из основных факторов, безусловно, является социально-экономическая, демографическая, семейная, миграционная политика, политика в области здравоохранения. В наиболее вероятном прогнозном варианте учитывались возможные последствия продолжения действия тех мер этих видов политики, которые уже реализуются».

В этом смысле симптоматично появление монографии В.Н. Бобкова и его коллег [12], и аннотация к ней в журнале [13]. Ключевыми словами в этих работах является «проектирование будущего». Если в Национальном докладе будущее является экстраполяцией прошлого, разных вариантов сложившихся тенденций, то в этой монографии главным является проект – проект будущего «демографического дома», исходя из понимания, что «нарастающие противоречия могут быть разрешены, либо стихийно, либо благодаря осознанию непродуктивности дальнейшего развития по капиталистическому пути». На уровне гипотезы выдвинута идея, что «на втором этапе преобразований России могут быть созданы предпосылки для перехода к третьему, социалистически ориентированному, этапу общественных преобразований».

Сегодня мы все являемся свидетелями мучительного перехода от «предыстории человечества» к его «подлинной истории». Семидесятилетний опыт страны, пережившей противостояние белых и красных, коллективизацию и голод, репрессии и доносы, горячие и холодные войны, является и предпосылкой для перехода на более высокую ступень развития и в то же время сдерживающим фактором. Важно определиться: что-то неверно в теории, или отторжение вызывает

как это осуществлялось на практике? К кому претензии: к проектировщику или подрядчику (подрядчикам)? Но то, что было реализовано, назвать неудачей невозможно: не вовремя, без необходимых материальных условий, без общей подготовки, вопреки теории, её догматической трактовки, но мечта, как цель нескольких поколений, обеспечила достижение результатов, о которых сегодня не помышляем. Трудно возразить против факта роста демографического потенциала, всеобщей грамотности, устремлённости в будущее, уверенности в завтрашнем дне. Когда и как свернули с этого пути, как оказались в 1991 году точно описано в книге экс-министра Дальнего Востока А.С. Галушки с соавторами [14], в которой представлены модели, обеспечившие динамику развития, дана оценка их эффективности. Правда, теоретическое осмысление траектории развития страны не стало руководством в деятельности министра на вверенной ему территории, что позволило бы доказать, что решение демографических проблем всё же есть.

Статья, мимо которой нельзя было пройти, посвящена стратегическому планированию в ДФО [15], что могло бы вывести на понимание будущей специализации макрорегиона, в чём корень проблем демографического развития. Осторожная гипотеза, что «...система стратегического планирования не оптимальна и нуждается в совершенствовании», была реакцией на ход реализации федеральных законов о ТОСЭРах, СПВ, региональных изменений в налогообложении, когда сюда устремились инвестиции: «по состоянию на середину 2021 года ...реализовывалось более двухсот двадцати региональных программ и стратегий. Анализ номенклатуры экономических показателей ... показал, что индикаторы инновационной деятельности и импортозамещения присутствуют не более чем в половине действующих региональных программ, а показатели межрегионального товарообмена и кооперационных связей практически не используются». Тем не менее, авторы настаивают, что в регионе «действует система целевого планирования», откуда следует, что должны быть цели, а значит результаты. Некоторые из них показаны выше, но что интересно – на Восточном экономическом форуме 2022 года, ни о Концепции демографической политики до 2025 года, ни о Национальной программе развития Дальнего Востока в перспективе до 2035 года не упоминалось. Оценивать можно по-разному, но критическое замечание Председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко ещё при первом обсуждении проекта Национальной программы, которое остаётся актуальным и теперь, наиболее точно объясняет ситуацию: «... десять лет мы пи-

шем стратегии, программы, а прорыва в экономике нет. Зато прорыв мы наблюдаем по ту сторону дальневосточной границы – там, в странах Азии, растут новые ультрасовременные города, производства. А у нас программа, которая сегодня предлагается министерством, – это программа рутинного развития, а не прорыва».

В целом конструктивные предложения в статье А.В. Топилина с коллегами [15] «зависают» именно из-за того, что их прилаживают к рутинным программам, таким же структурам, сложившейся специализации. Идея «повышения качества плановой работы» адресует Ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье», с предложением «сформировать коллегия (комитет) по планированию» из привычной колоды исполнительных органов. Хотя ясно: Дальнему Востоку нужен Госплан, рабочий орган которого – Центр стратегического планирования. Но деликатный вопрос, о чём вслух не принято говорить: где должно быть рабочее место Министра Дальнего Востока, его подразделений, включая Госплан? Конечно же на Дальнем Востоке, и, разумеется, в Хабаровске: географически, исторически, по инфраструктуре и множеству других параметров он остаётся столицей Дальнего Востока. Перенос этой функции во Владивосток не добавил ни тому, ни другому, это было политическим решением, которое рано или поздно придётся пересматривать. У морского Владивостока принципиально иная функция: здесь формируется центр интеграционного взаимодействия со странами Азии, что делает его – Восточной (Тихоокеанской) столицей России. Обе функции такого масштаба, что хватило бы сил и кадров каждому из них справиться с одной. И чем глубже они будут специализироваться на выполнении своих задач, тем более острой будет потребность в тесном взаимодействии между ними – не конкурировать, а взаимодополнять друг друга. Когда «распутается» множество узелков, когда Министерство найдет свое место, Госплан определит приоритеты развития, только тогда и окажутся востребованными индикаторы и показатели, которые предлагаются в статье.

В ней же авторы (пожалуй, первыми) критично оценили Концепцию, «деликатно» оправдывая документ тем, что намеченные «темпы прироста численности населения оказались завышенными», с чем согласиться невозможно. Другое дело их оценка ресурсно-сырьевой модели региональной экономики, которая не способствует решению демографических проблем, или сформулированная задача «внедрения стратегического планирования развития макрорегиона, конечной целью которого является не только сбережение населе-

ния Дальнего Востока, но и его приумножение» свидетельствуют о том, что в своих размышлениях мы не одиноки.

Подводя итоги дискуссии на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России» по инициативе её главного редактора В.Н. Бобкова, за что выражаем искреннюю благодарность,

следует сказать, что это может стать началом пути, который предстоит проделать научному сообществу, доказывая, что абсолютный рост численности населения России возможно и есть та самая Национальная идея, реализация которой позволит сохранить мир и придать динамичное развитие и нашей стране, и всему миру.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А. Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемиические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 299–313. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.3.1, EDN FYDLUB
2. Алхасов С.С., Рязанцев С.В. Трудовая миграция в приграничном регионе по данным онлайн-рекрутмента (на материалах Амурской области) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 4. С. 431–441. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.4.1, EDN ZQHHJR
3. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020. / Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединённая редакция». 2020. 156 с. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI 10.25629/НС.2020.13.01, EDN STFBIW
4. Русанов А.В., Чудиновских О.С. Может ли международная миграция сдерживать депопуляцию Дальневосточного федерального округа? // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 9–26. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.1, EDN ZJTSPD
5. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.1, EDN SBNTL
6. Мищук С.Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 151–161. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.2.1, EDN VWRLN
7. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2019. 79 с. ISBN 978-5-907057-98-2. EDN TRHGUC
8. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 102–120. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.1.8, EDN KKBDAI
9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Стратегия демографического развития России: её детерминанты и многовековой вектор // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4 (150). С. 9–20. DOI 10.19181/lsprr.2020.16.4.1, EDN WBRSGU
10. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Тенденции демографического развития в районах российской Восточной Арктики // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 130–144. DOI 10.19181/population.2020.23.3.12, EDN LFGSPU
11. Симагин Ю.А. Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 228–234. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.2.6, EDN GGMWEA
12. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова и др. / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022, EDN: WOQAYF
13. Бобков В.Н. 18 рефлексий о современном обществе и образ будущего // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 409–414. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.12, EDN KDDAJC
14. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Издательство «Наше завтра», 2021. 360 с. ISBN 978-5-6046834-8-4, DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.1
15. Топилин А.В., Ростанец В.Г., Кабалинский А.И. Региональное и межрегиональное планирование социально-экономического развития в Дальневосточном макрорегионе: организационно-методические проблемы и пути решения // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 285–296. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.1, EDN CEBSMU

Информация об авторах:

Юрий Алексеевич Авдеев – к.э.н., ведущий научный сотрудник; лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

(E-mail: avdyural@mail.ru), (elibrary Author ID: 718435), (ORCID: 0000-0003-0379-9914)

Валентина Леонидовна Ушакова – научный сотрудник; лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

(E-mail: ushakova@tigdvo.ru), (elibrary Author ID: 75981), (ORCID: 0000-002-4916-3973)

Заявленный вклад авторов:

Авдеев Ю.А. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ публикаций по теме исследования, анализ результатов исследования, сформулированные выводы исследования.

Ушакова В.Л. – сбор и анализ данных, анализ результатов исследования, анализ публикаций по теме исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Юрий Алексеевич Авдеев.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

References

1. Avdeev Ju.A. Far East: how to stop the outflow of people and make it attractive. (Polemical reflections). *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(3):299-313. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.3.1, EDN FYDLUB (In Russ.)
2. Alhasov S.S., Rjazancev S.V. Labour migration in the border region according to online recruitment data (based on the materials of Amur Region). *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(4): 431-441. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.4.1, EDN ZQHHJR (In Russ.)
3. Rjazancev S.V. (ed.) Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report – 2020. Moscow: Publishing house «United Edition»; 2020. 156 p. ISBN 978-5-93856-292-9, DOI 10.25629/HC.2020.13.01, EDN STFBWI (In Russ.)
4. Rusanov A.V., Chudinovskikh O.S. Can international migration the depopulation of the Far Eastern Federal District? *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):9-26. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.1.1, EDN ZJTSPD (In Russ.)
5. Motrich E.L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):27-40. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.1.1, EDN SBNTL (In Russ.)
6. Mishchuk S.N. Institutional structure for ensuring migration policy in the subjects of the Far Eastern Federal District. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):151-161. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.2.1, EDN VWRLN (In Russ.)
7. Rjazancev S.V. (ed.) Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Moscow: Publishing house Jekon-Inform, 2019. 79 p. ISBN 978-5-907057-98-2, EDN TRHGUC (In Russ.)
8. Arkhangel'skii V.N., Elizarov V.V., Dzhanayeva N.G. Children or material wealth: determination of choice. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(1):102-120. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.1.8, EDN KKBDAI (In Russ.)
9. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. The strategy of demographic development of Russia: its determinants and centuries-old-vector. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(4):9-20. DOI 10.19181/Ispr.2020.16.4.1, EDN WBRSGU (In Russ.)
10. Avdeev Yu.A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Demographic development trend in the Russian Eastern Arctic. *Narodonaselenie = Population*. 2020;23(3):130-144. DOI 10.19181/population.2020.23.3.12, EDN LFGSPU (In Russ.)
11. Simagin Ju.A. Demographic security of the far eastern geostrategic territories of Russia. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021; 17(2): 228-234. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.2.6, EDN GGMWEA (In Russ.)
12. Bobkov V.N., Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.) The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future [Uroven` i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proyektirovaniyu budushchego]. Moscow: FNISC RAS. 2022. 274 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022, ISBN: 9785896973881, EDN: WOQAYF (In Russ.)
13. Bobkov V.N. 18 reflections on modern society and the image of the future. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):409-414. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.12, EDN KDDAJC (In Russ.)
14. Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov MO. Growth crystal. To the Russian economic miracle. Moscow: Publishing house Nashe zavtra; 2021. 360 p. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.1, ISBN 978-5-6046834-8-4 (In Russ.)
15. Topilin A.V., Rostanets V.G., Kabalinskiy A.I. Regional and interregional planning of socio-economic development in the Far Eastern macroregion: organizational and methodological problems and solutions. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022; 18(3):285-296. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.1, EDN CEBSMU (In Russ.)

Information about the authors:

Yury A. Avdeev – PhD in Economics, Leading Researcher, laboratory social and medical geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

(E-mail: avdyural@mail.ru), (elibrary Author ID: 718435), (ORCID: 0000 -0003-0379-9914)

Valentina L. Ushakova – Researcher, laboratory social and medical geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

(E-mail: ushakova@tigdvo.ru), (elibrary Author ID: 75981), (ORCID: 0000 -0002-4916-3973)

Authors declared contribution:

Yury A. Avdeev - statement of the problem, development of the concept of the article, analysis of publications on the topic of the study, analysis of the results of the study, formulation of the conclusions of the study.

Valentina L. Ushakova – collection and analysis of data, analysis of research results, analysis of publications on the research topic.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Yury A. Avdeev.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.